

Генерал Марсо

А. А. Егоров

В плеяде имен генералов Великой Французской революции имя Франсуа-Северена Марсо (1769—1796) занимает сравнительно скромное место. Все наиболее крупные сражения времен революции, за исключением битвы у Флерюса, прошли без него, участвовать в наполеоновской эпопее ему тоже не пришлось. Тем не менее он вошел в историю тех лет как человек большой честности и героизма.

Марсо родился в семье судейского чиновника и дочери торговца обоями. Старший из шести детей, Франсуа не был любим, ему предпочитали остальных детей, и это сказалось на его первых жизненных впечатлениях. Отданный кормилице, он тяжело переживал безразличие родни. Единственным близким для него человеком стала одна из его сестер, Мария. Франсуа учился в коллеже, и о нем потом говорили, что он «проявил в самом юном возрасте необыкновенные способности к учению»¹. Но больше, чем сиденье над книгами, привлекали его гимнастические упражнения, верховая езда и охота. После обучения он работал клерком при прокуроре, женившись на его сестре. Служба переписчиком деловых бумаг оказалась не для пылкого Франсуа, и он избрал себе военную профессию, поступив 16-ти лет 2 декабря 1785 г. солдатом в 34-й Ангулемский пехотный полк на 200 ливров жалованья.

Первые годы службы прошли для него без происшествий и в безвестности. Полусонная гарнизонная жизнь дала ему досуг для занятий математикой, чтения работ по военной теории и стратегии. Он с увлечением изучал жизнеописание Карла XII, Петра Великого, герцога Морица Саксонского, Фридриха II. Образцовым поведением молодой солдат приобрел уважение начальства, и его произвели в сержанты. Полковник граф де Серан сказал ему: «Сержант Марсо, из таких, как Вы, получают офицеры»². 1789 год сразу многое изменил в его жизни. Очутившись порученцем в родном Шартре, Франсуа собирал жалобы сограждан о злоупотреблениях старого режима.

Летом 1789 г. Марсо, получив увольнительную, уехал в столицу и 14 июля участвовал во взятии Бастилии, возглавив один из отрядов, готовых противостоять войскам, которые Версальский двор направил в Париж. Марсо вступил в Национальную гвардию, а в октябре вернулся в Шартр. Там осенью 1789 г. тоже начали формироваться отряды Национальной гвардии, и Марсо стал инструктором, а спустя два года — ротным капитаном батальона волонтеров. 1 декабря 1791 г. приказом военного министра он был произведен в майоры. Тогда же Франсуа представил начальству написанное им руководство по воинским маневрам. Оно затем легло в основу новых французских уставов пехотных тактических учений³.

22-летний майор выглядел тогда так: невысокого роста, элегантный, ловкий, с длинными волосами и усами; лицо его носило печать воинского духа, сочетавшегося с меланхолической

Егоров Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель педагогического института (Ростов-на-Дону).

грустью⁴. Накануне войны с Австрией и Пруссией батальон Марсо был направлен в Арденнскую армию и почти два месяца находился в Шампани. «Мы не знаем, — писал он 13 марта 1792 г. своему другу, — покинем ли мы Отечество». Вскоре выяснилось, что ни о какой наступательной войне для революционной Франции не может быть и речи. Офицерский корпус армии в первые же дни войны чуть ли не в полном составе перешел на сторону врага. По словам будущего наполеоновского маршала Л. Гувьон-Сен-Сира, офицеров во французской армии «недоставало 12 тыс., когда последовал разрыв с Австрией»⁵.

В мае 1792 г. Марсо со своим батальоном, покинув Реймс, направился к Монмеди. Когда вскоре небезызвестный генерал М.-Ж. Лафайет бежал за границу и многие офицеры хотели последовать его примеру, Марсо горячо удерживал их, уговаривая не показывать спину неприятелю. Перешедшие границу пруссаки были неподалеку. Батальон Марсо попал в крепость Вердея, восточный форпост Франции. Военная дисциплина была здесь в плачевном состоянии. Войска герцога Брауншвейгского начали осаду крепости, продлившуюся лишь три дня. Горожане высказались за сдачу Вердена пруссакам, комендант крепости застрелился, а его преемник пошел на капитуляцию.

Марсо был в отчаянии. К тому же ему поручили отправиться в прусский лагерь и согласовать детали сдачи. Марсо подписал ее текст, чуть не плача от унижения. Один из прусских командиров сказал: «Если у французов много таких офицеров, как этот, нам придется туго»⁶. По новым французским законам, за подписание капитуляции Марсо грозила смертная казнь. Его спас один из членов Конвента, друг его сестры. После этого батальон Марсо был включен в Северную армию Ш.-Ф. Дюмурье. «Нашим авангардом, — писал Марсо, — командует генерал Диллон, добрый патриот и к тому же хороший военачальник». Батальон принял участие в двух жарких делах, где до 9 тыс. французов отразили натиск вдвое сильнее противника. Франсуа участвовал в этих боях и энергично преследовал отступавшего врага.

Будучи недоволен положением дел в волонтерских отрядах, он хотел перейти в линейные войска, и в ноябре 1792 г. по его просьбе был переведен в кирасирский полк Германского легиона, направленный на подавление контрреволюционного восстания в Вандее. Так он стал подполковником легких кирасир Западной армии⁷.

Весной и летом 1793 г. вандейцы наносили силам республиканцев удары один за другим и захватили ряд городов. Крестьяне-фанатики под предводительством священников и дворян-роялистов развернули жестокую и изурительную, без правил и без пощады партизанскую войну против войск Конвента. Погашенное в одном месте пламя мятежа тут же вспыхивало в других дистриктах⁸. Комиссары Конвента в армии, наделенные неограниченными полномочиями, не будучи в большинстве своем военными людьми, вмешивались в командование боевыми операциями, изменяли планы кампаний, участвовали в реорганизации командного состава. Кроме того, они спорили между собой, мешали и друг другу и генералам. Из этих столкновений различных лиц, облеченных властью, рождались доносы, взаимные обвинения и непризнание ничьих распоряжений. Приводились в исполнение достаточно нелепые планы, города оставались без защиты, а армии приходили в большое расстройство⁹.

Проведя проверку Германского легиона, комиссары Конвента из Тулузы пришли к выводу, что он представляет собой сброд людей, лишенных чувств патриотизма. Началось выявление подозрительных лиц в офицерской среде легиона. Возмущенный невежеством комиссаров, Марсо не скрывал своего отношения к их деятельности. Его критические замечания оказались для него опаснее, чем встреча с шуанами. Марсо попал в категорию подозрительных, был арестован и предстал перед революционным трибуналом. Однако суд, изумленный простотой и пылкостью его ответов, вернул Франсуа в армию.

10 июня 1793 г. он прибыл под Сомюр в тот момент, когда город атаковали роялисты. В сражении с ними отличился как раз Германский легион. Главнокомандующий республиканскими войсками генерал Кустар отдал приказ захватить вражеские пушки в центре позиции. «Куда вы нас пошлете?» — спросил Кустара командир легиона. «На смерть, — ответил тот, — спасение Республики требует этой жертвы». В пылу сражения Марсо увидел своего личного недруга комиссара П. Бурбота, окруженного вандейцами. Представитель Конвента потерял лошадь, его положение было безвыходным. Франсуа, пробившись к нему, отдал ему своего коня.

Отчаянная храбрость республиканцев оказалась бессильной остановить натиск вандейцев. Войска Конвента были разгромлены. «10 июня, — сообщалось в Париж, — было для нас одним из самых роковых дней, которые нам пришлось испытать». Но подвиг Марсо был все же замечен, и 13 июня Конвент декретировал: «Согласно предложению одного из своих членов, Национальный Конвент постановляет, что гражданин Марсо, офицер Германского легиона, который вырвал из рук мятежников близ Сомюра гражданина Бурбота, представителя наро-

да... заслуживает благодарности Отечества, и он [Конвент] рекомендует военному министру, чтобы тот перевел его [Марсо] на более высокую должность, чем та, которую он занимает»¹⁰.

В августе 1793 г. полк Марсо оказался близ Люсона, атакованного роялистами. Марсо с пехотой и двумя эскадронами кавалерии обошел правый фланг противника, внося значительный вклад в победу над инсургентами. Такого поражения вандейцам еще не приходилось пережить, они лишились всей артиллерии и разбежались, кто куда. Наступившая осень была наполнена новыми стычками. Марсо вновь отличился при Шатонне 5 сентября, где под ним были убиты две лошади, и при Мортагю 14 октября.

Он узнал, что рядом с его полком расположена ставка Ж.-Б. Клебера. Соблазн познакомиться со знаменитым генералом оказался велик, и Франсуа отправился к Клеберу. Но тот отнесся прохладно к нежданному визитеру: «Вы не должны были покидать ваш пост, возвращайтесь; позже у нас будет время, чтобы познакомиться». Тем не менее несостоявшееся тогда знакомство вскоре переросло в дружбу. В бою 17 октября у Шоле, где, по словам Клебера, «роялисты сражались, как тигры, а наши солдаты — как львы», Марсо действовал блестяще. Роялисты были отброшены с большим уроном в людях и орудиях, а их предводители — смертельно ранены.

За день до этого сражения Марсо становится исполняющим обязанности бригадного генерала, в новом чине его утвердили 5 ноября, а уже 10 ноября он стал дивизионным генералом. 27 ноября (на время отсутствия главнокомандующего) он был назначен главнокомандующим Западной армией, имея от роду 24 года. Впрочем, Л. Дезэ стал дивизионным генералом в 25 лет, Л. Гош — тоже в 25, Н. Бонапарт получил генеральские погоны в 24 года. У революции были юные генералы. «Он молод, полон знаний и смелости, — говорил Клебер о Марсо. — Более хладнокровный, чем он, я нахожусь тут лишь для того, чтобы его сдерживать». Но завидовавший Марсо главнокомандующий Западной армией Ж.-А. Россиньоль отзывался о нем, как об интригане, окруженном шайкой честолюбцев.

Между тем война в Вандее приобретала все большее ожесточение. Роялисты беспощадно расправлялись со взятыми в плен «синими», республиканцы отвечали суровыми репрессиями. В Париже не видели альтернативы. Марсо одним из первых указал на порочность политики грубой силы, проводимой Конвентом в отношении мятежников. Расчет на силу ведет к неизбежным и ненужным жертвам, писал он военному министру. 11 декабря, накануне решительного сражения с инсургентами, Марсо сообщал в Париж: «Все говорит о том, что армия разбойников еще очень сильна, но все свидетельствует и об их близком уничтожении. Да здравствует Республика!»

Действуя вместе с Клебером, 12—13 декабря Марсо разбил вражеские отряды и занял Ле Ман, а затем докладывал военному министру: «10 пушек, множество зарядных ящиков и обмундирования были брошены в оставленном городе... Местечки и дороги были покрыты трупами и ружьями, которые они [вандейцы] побросали во время своего бегства». В бою при Савене 23 декабря, где в решающий момент обнаружилась нехватка кавалерии, Марсо сколотил ее из офицеров корпуса и повел в атаку этот импровизированный отряд. Противник был разбит. Клебер затем говорил: «Я никогда не знал ни одного генерала, который, подобно Марсо, может изменить хладнокровно и обдуманно судьбу кампании... в одно мгновение». В тот день Марсо записал: «Вандейская война, наконец, закончилась на правом берегу Луары». Действительно, к концу 1793 г. положение в Вандее стабилизировалось, инсургенты терпели одно поражение за другим.

30 декабря Марсо получил отпуск. Шесть недель он провел в Париже. Шел вантоз II года Республики. Якобинский блок раздирали внутренняя борьба робеспьеристов, эбертистов, умеренных. Гильотина работала без устали, карая и виновных и невиновных, террор набирал обороты. Марсо не принимал никакого участия в этих общественных делах. «Я избегаю и комитетов, и бюро», — писал он другу. Человек необычайной храбрости, он терпелся перед лицом этой новой, непостижимой для него опасности быть вовлеченным в межпартийную борьбу. К счастью для него, в марте 1794 г. он возглавил дивизию в Арденнской армии и с апреля вновь находился в боевом строю.

Значительным событием его военной биографии стало участие 26 июля в битве под Флерюсом. Личным примером и неустрашимостью Марсо сумел остановить начавшееся отступление. Сражаясь, как простой солдат, он постоянно подвергал себя опасности, под ним были убиты две лошади. Его дивизия выстояла, что решило исход сражения. Затем, во время марша на Монс, Марсо лично взял в плен австрийского офицера. Вскоре в бою при Онозе, будучи внезапно атакован, он сражался, не сходя с места, 16 часов.

Последним событием в 1794 г. для Марсо было занятие Кобленца. Этот город в Трирском архиепископстве являлся гнездом контрреволюционной эмиграции. Австрийцы, защи-

щавшие город, заняли окружающие его высоты, установили там батареи и соорудили ретраншементы. Именно Марсо было поручено захватить Кобленц, и он сделал это 23 октября, после чего докладывал народному представителю: «Спустя четыре дня чрезвычайно трудного марша через леса и горы я достиг неприятеля в его лагере, в долине от Кобленца, где по окончании оживленной артиллерийской и ружейной перестрелки принудил его обратиться в бегство. Войска, которыми я командую, проявили удивительное терпение и выказали героическую отвагу. Каждый из солдат хорошо исполнил свой долг».

Вскоре в письме к командующему объединенной Самбро-Маасской армией генералу Ж.-Б. Журдану Марсо сообщал: «Дерево свободы было посажено вчера перед дворцом Электора (дерево свободы — в Кобленце!). Наплыв жителей не был велик, и радость сняла только на лицах наших храбрых солдат... Сей символ свободы воздвигнут на месте резиденции маленького чудовища, который тут находился». Служа на Рейне, Марсо вновь встретился с прежним боевым товарищем, генералом Л.-Н. Даву. Первый раз судьба свела их в Вандее, и уже тогда их связала дружба. Даву хотел даже устроить брак Марсо со своей сестрой¹¹. Но этому не суждено было сбыться.

Первая половина 1795 г. прошла для Марсо в относительном бездействии. С осени соединение Марсо контролировало передвижения противника под Бонном, затем участвовало в осаде Эренбрейштейна, 17 декабря одержало победу над австрийцами у Зальцбаха. При отступлении дивизии генерала Ж.-Б. Бернадота от Нейвида Марсо поручили сечь за ней мост. Его по оплошности сожгли раньше, подставив Бернадота под удар противника. Марсо пришел в отчаяние и хотел застрелиться. Его спас боевой друг, помешавший ему осуществить это намерение.

1796 г. был отмечен феерическими победами Бонапарта в Италии. Иначе для французов складывалась обстановка в Германии. Рейнская армия генерала Ж.-В. Моро и Самбро-Маасская армия Журдана плохо координировали свои операции и были вынуждены начать отступление. Дивизия Марсо составляла арьергард армии Журдана. В боях под Лимбургом Марсо сумел остановить австрийцев, вновь проявив присущие ему талант военачальника и храбрость. «Противник, — докладывал Марсо Журдану 16 сентября, — трижды пытался выступить из Лимбурга и трижды доблестно был отброшен. Его превосходство не помогло ему против храбрости наших солдат».

При проходе арьергарда сквозь дефиле под Альтенкирхеном Марсо проводил разведку. 19 сентября, приехав к аванпостам, он был смертельно ранен. На место происшествия тотчас прибыл Бернадот. Марсо успел попросить его: «Товарищ, устройте так, чтобы перед смертью мне не пришлось видеть, что наши войска бегут в беспорядке перед неприятелем. Меня убивает мысль об этом». «Успокойтесь, — отвечал Бернадот, — отступление совершается в порядке». Раненого доставили в Альтенкирхен, там его встретил Журдан, который не мог удержаться от слез. Марсо утешал его: «Зачем плакать, генерал. Я счастлив умереть за родину».

19 сентября Журдан сообщил Директории: «Я был вынужден оставить Марсо в Альтенкирхене. Я не произношу похвальную речь этому генералу, граждане директоры: вы знали в течение долгого времени его таланты и его мужество. Республика лишилась одного из лучших генералов, я потерял искреннего друга». Марсо умер 21 сентября, завещав Клеберу своего лучшего коня. По распоряжению командующего австрийской армией эрцгерцога Карла, занявшего Альтенкирхен, тело Марсо было передано французам, а почетный эскорт австрийской кавалерии сопровождал его останки до форта Петерсберг, где генерал был похоронен 23 сентября, форт же получил имя Марсо. Когда гроб с его телом опустили в землю, к салюту французских пушек присоединились залпы австрийских орудий.

Три года спустя по декрету парижского правительства останки Марсо перезахоронили вместе с останками генералов Гоша и Шерена в мавзолее, воздвигнутом на берегу Рейна. Имя Марсо высечено на северной стороне Триумфальной арки в Париже.

Примечания

1. MAZE H. Le général F.-S. Marceau: sa vie, sa correspondance d'après des documents inédits. P. 1889, p. 1; Révolution et Premier Empire: biographies des généraux dans l'ordre alphabétique. P. S. a., p. 2.
2. RIVAL P. Marceau. P. 1938, p. 43.
3. Военная энциклопедия. Т. 15. СПб. 1914, с. 210; SIX G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792—1814). Т. 2. P. 1934, p. 150; TULON F. Les généraux de vingt ans: Hoche — Marceau — Joubert — Desaix. P. 1889, p. 111.
4. DESPREZ C. Kléber et Marceau. P. 1857, p. 57.
5. Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена директории, консульства и империи французской. Ч. I. СПб. 1838, с. XXVII—XXVIII.
6. ДЖИВЕЛЕГОВ А. К. Армия Великой Французской революции и ее вожди. М.-Пг. 1923, с. 130.
7. CHUQUET A. Quatre généraux de la Révolution: Hoche et Desaix, Kléber et Marceau. P. 1911, p. 295.
8. Memoirs of Bertrand Barère, Chairman of the Committee of Public Safety during the Revolution. Vol. 2. Lnd. 1895, p. 105; GREER D. The Incidence of Terror during the French Revolution. Cambridge. 1935, pp. 61—62.
9. ЛУКИН Н. (Н. Антонов). Из истории революционных армий. М. 1923, с. 186—189; МИХЕЕВ К. И. Вандейские войны. СПб. 1907, с. 26.
10. Всеобщая военная история новейших времен. Ч. I. СПб. 1874, с. 325; Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794). Сб. док. и м-лов. М. 1927, с. 653.
11. GALLANER J. The Iron Marshal: a Biography of Louis N. Davout. Lnd. 1976, pp. 30—31.